

И в простоте заложена огромная сложность — трагедия тупейного художника не уступает внутренней панораме переживаний представителей привилегированного класса.

Русское, национальное, хлебом и землей пахнущее точно увеличено гигантской лупой повествовательного Лескова — и шествует по миру Левша, поражая умениями своими, которых сила не может быть заемной. Тем паче, поддельной.

Развернется огромным цветком страсть Леди Макбет — чтобы, начав гнить, превратиться в свою противоположность: страшную, трагедию рождающую...

Очарованность странников столь же естественна, сколь разнообразны, хотя похожи в чем-то, российские дороги; и тут подлинное прикосновение к душе выявляет корневую сущность русской реальности: душа важнее всего, именно ее необходимо развивать...

Брызги специфического — в том числе церковного — юмора разлетаются самородно по страницам, и увлекающийся Ахилла Десницын, с голосом, который, как пушка, стреляет, вторгается пением в простор тишины, когда служба уже закончена.

Могучее строение «Соборян» не подлежит сотрясению времени (хотя трудно представить представителей последнего поколения, способных внутренне обогатиться, читая роман, только дело тут не в произведении, а в пошлой низине нынешнего воспитания).

Лава слов течет, увлекая эстетически развитые души; плетение фраз столь же искусно, сколь и своеобразно, и сколько же странников, чудаков, страдальцев, праведников живописует Лесков! Он писал много — помимо художественной литературы, отдавал дать публицистике, и, казалось, не было тем, не волновавших его — и церковная жизнь, и мелочи архиерейского бытования, и особенности государственного устройства — всего касался выпуклый окуляр писательского взгляда.

...крутой нравом, коллекционер и знаток российских древностей, Лесков, вероятно, тяжело раскачивался, прежде чем захватить новый пласт российской действительности и положить его на бумагу: так, чтобы расцвели словесные сады — не подлежащие увяданию, не зависящие от времени.

Гудящая бездна содержания «Соборян»: нечто древле-русское, изначальное, кондовое, дремучее, родное...

Движение, прогресс, развитие — все словно парализовано застоявшейся — или устоявшейся — нормой бытия: церковно-правильной, не подразумевающей никаких изменений.

Плетется язык, словеса слагаются в орнаменты, в картины природы такие, что залюбуешься, в человеческие характеры, какие и пожелав забыть — не забудешь...

Выходит на сцену Ахилла Десницын — с голосом, какой яко пушка стреляет; увлекающийся Ахилла, продолжающий петь, даже когда служба закончена.

Савелий Туберозов, точно в Византии застрявший, правильный, домовитый...

Старгородская поповка; предводитель дворянства, везущий в Старгород три трости: две с золотыми набалдашниками, одну с серебряным, для Ахиллы, чем наводит на того сомнения...

И событий в Старгороде полно, даже с точки зрения Захарии Бенефактова, что воплощает собой кротость и смирение: такие, что, мол, в трубочку свернулся, свитки священные полагая в середке сущности своей; учитель Варнава ставит опыт над утопленником, чем уязвляет Десницына; во время купания, когда пейзаж представляет простоту жизни, Ахилла выезжает из реки на красном коне, и рассказывает, что отобрал у учителя кости, но их снова украли; Ахиллой-вином просит называть себя Десницын, обещая «выдушить вольнодумную кость» из города...

И далее происходят события повседневности, цепляясь крючочками своей незначительности за такие же — пустые, очень важные для живущих.

Густота человеческой плазмы, представляемой Лесковым, чрезвычайно велика; и лица, выступающие из нее — пусть не столь важная для повествования просвирня — всегда обладают отчетливостью людей, с которыми сводит читателя жизнь.

Поправка на время?

Конечно...

Но ведь и в сегодняшней церкви можно встретить огромнотелого, трубногогласого Ахиллу, или почти не разгибающегося Бенефактова...

И язык Лескова, являясь дополнительным (когда не основным) персонажем, гудит, льется, играет красками и бликует оттенками оных великолепно, колдовски, магически...

Уездный город с его сонной жизнью и сонной дичью; возвращение осужденного в прошлом по политическому делу Висленева, сестра, встречающая его, бывшая невестка, вышедшая за генерала, о котором идет ужасная слава...

Тишина...

Нет — гниль, зреющая, как плод.

Не зря же и называется роман жестко: «На ножах».

Плетение словес Лескова не делается иным, какие бы сюжеты он не использовал, против чего не писал бы; или наоборот — что бы не воспевал...

Плетение густое, затканное плотной тканью страницы сияют перлами смыслов.

...кому же принадлежит привидевшееся Висленеву зеленое платье?

Ропшин, Подозеров — фамилии героев у Лескова бывают довольно странными: что может находиться под озером? Слои грязи?

Но из бреда молодых людей можно извлечь выгоды.

Так быстро понимает Горданов, провозглашающий «иезуитизм» заменой нигилизма.

Хрен редьки не слаще.

Авантюренность романа точно запутывает его в самом себе, что отмечали уже современники, в частности Достоевский: может быть, так отображается путаница, царящая в головах людей?

Или сам нигилизм, черной массой накатывавший на российское общество, не предполагал ясности?

Темные дела творились, черные планы вызревали...

В «Некуда» возникает долго живший за границей социалист Райнер: толком не представляющий русской жизни.

Нигилистка Лиза Бахарева прорисовывается даже и с симпатией; однако вожжи движения даются сгустками властолюбия, безнравственности; соль их жизни — удовлетворение собственных амбиций; суть их душ: сплошные изломы.

Пустота страшна тем, что человек сам не знает, чем ее получится заполнить.

И Лесков, убежденный в чрезвычайном вреде нигилизма, точно противопоставлял грядущее и патриархальное: в котором тоже много изъянов: однако, именно оно позволяло долго стоять земле русской.

4

Космос Лескова от древности русской, глубины ее, своеобразия, густоты, иконописи, церковности.

Космос его — и от страсти — неистойвой, яркой: хоть леди Макбет Мценского уезда, будто вынутая из недр шекспировской яви, хоть Язвительный...

Мастера из «Запечатленного ангела» не грамотны, но как изощренно понимают они богословие; какие насыщенные разговоры ведут.

Вера для Лескова не отделима от церкви, от православия, известного ему до корней, до нюансов догматики, до церковного быта.

Растут «Мелочи архиерейской жизни».

Высятся типажи: кротость Савелия Туберозова компенсируется добродушной мощью Ахиллы Десницына...

А вот страшным мороком наползают на реальность «На ножах» и «Некуда»: гниет мысль и ее гниение дает ужасы нигилизма: и духовно-глетворный дух идет на действительность из провинциальных дыр: страшно, смрадно.

Но... сколько типажей выписано волшебными словесами: хоть тупейный художник, хоть Левша, хоть очарованный странник.

И густота языковая не ветшает, по-прежнему изображая глубины русскости.

5

Очарованность, как сопричастность тайне: отчасти неизреченной, отчасти проступающей образами мест тогдашней России.

Очарованный странник изучает ее версты, как книгу книг: и боль, и страдания, выпадающие на его долю, обозначены такой же необходимостью, как радость восхода.

20 глав: каждая, как часть пути: а вернее — часть жития, согласно канонам которого и написана словесным серебром повесть...

Детство развернется, детали будут колоритны, подробности заиграют, как ювелирные украшения; тема коней проявляется, как порывы красоты и силы; а дальше — распустятся ленты искушений, богата которыми жизнь, и неизвестно для чего они, зачем заполняют столь изрядное пространство; но и отношение к бытию героя — спокойно-стойкое, нежное, истинно очарованное...

А контрастен ли Ивану Северьяновичу язвительный?

Язвительность, как характеристика, сама по себе достаточно едкая — и не ред-

кая; человек подобного нрава точно изучает реальность под собственным углом, и градус его приятия или неприятия оной зависит от окраса того фрагмента реальности, какой он видит.

«Воительница» — повествующая о том, как жизнь все расставит на свои места, и Домна Платоновна, убежденная, что все люди злые и подлые, кроме нее, сама попадет в положение жертвы... любви...

Каждый рассказ или повесть Лескова — как новая краска в бесконечном исследовании русской особенности, русскости, как феномена, отдельного характера, как судьбы всеобщности: и все, описанное некогда классиком, мы можем наблюдать в другом антураже в недрах и нынешней жизни...

6

Какие слова!

Из неведомой руды взяты, обработаны, поданы: мелкоскоп, Аболон полведерский...

Можно выписывать и выписывать, впитывать и впитывать...

Млеко русской речи не знает пределов питательности...

Каков задор Левши — мол, нимфозория нимфозорией, а отечество позорить не дадим, и Платову доложим: сами не знаем, что — но предпримем что-нибудь обязательно...

И предприняли, всех удивив, и мелкоскоп, как известно, не потребен, коли глаз пристрелявши...

Есть ли метафизика в знаменитом сказе?

...даже метафизика русскости в нем сокрыта: или открыта рудую великолепно выплавленных слов.

Светится сказ: точно жар-птица пролетела, обронив перо, и Лесков умудрился, как Левша, не нуждаясь в мелкоскопе, расшифровать все его золотящиеся крапинки, пятнышки, узоры: сложные, скрывающие в себе нити судеб...

Кроткие мастера — могущие превзойти кого угодно.

Незлюбивые — хотя если надо и пистолю такую сделаем, что англичане своею посчитают.

Да и не завистливы мы: многое можем, а хвалиться не будем.

Тем паче — бахвалиться.

И сияют, переливаются на солнце духа великолепные, дивные слова, поражающие в нынешних, техногенностью сызмальства отмеченных детей — слушают они Левшу, заслушиваются...

7

Можно ли рассматривать историю человечества как подъем — постепенный, всех, очень неспешный?

Сложно увидеть — да?

Но — и сложно не согласиться, что сейчас грамотных на много порядков больше, чем триста лет назад, а попытки — по крайней мере, официально — не применяются нигде...

Тем не менее, способность доставлять другому боль развита в человеке чрезвычайно: и чтение, перечитывание «Тупейного художника» потрясает: кажется — из сегодняшнего далека: так быть не может, и то, что это было меньше двухсот лет назад, заставляет волосы вставать дыбом.

Крепостное право, — что проклятье России, учитывая насколько оно затянулось, имея в виду все, чем оно задавила сознания и души людей...

Человек-предмет, человек-вещь, человек, даже не задумывающийся, что может быть иначе.

...бунт Аркадия, выламывающего плечом окно и пытающегося бежать с Любовью — как светлое пятно в недрах безнадежности, представляемой рассказом, который не мог закончиться хорошо: из одного его можно вывести насущную необходимость революции, зреющей чрезвычайно долго: пока окончательно не переполнились духовным гноем многие нарывы на теле империи...

...в чем-то противоположна «Тупейному художнику» «Леди Макбет Мценского уезда»: сколь персонажи первого не мыслят себя вне рабства, столь герои второй — сплошь порыв к абсолютному свободоволию...

Его не бывает, и трагедия наслаивается на трагедию, страсть любовная превращается в чувство с обратным знаком.

Катастрофа каторги кошмарна: как деревянное спокойствие Катерины Львовны — когда вся партия во главе с Сергеем над ней издевается.

Гордость выше всего, выше любых страхов: даже пред Богом, расплатой, посмертным существованием, в которое тогдашние люди верили автоматически, — Измайлова совершает убийство и самоубийство...

Сила и слабость: сила, обращенная во зло, слабость не позволяющая рвануться к силе: таковы мотивы двух этих произведений Лескова — сделанных столь сильно, что пыль времени не оседает на них.

8

Преизящество богозданной природы велико есмь...

Марой, напоминающий верблуда, изобретает такой способ разбивать болты, что о старовегах слава сильная пускается...

Язык «Запечатленного ангела» сугубо лесковский: с густотой непредставимых ныне словес, организующих колорит повести в не меньшей мере, чем плетение сюжета.

Некоторых событий в результате, запечатывают жандармы, напавшие на жилище, иконы бурым сургучом, а бурый, о чем не сказано у Лескова — цвет греха.

Иконы, сваленные в подвал, а одна, приглянувшаяся архиерею, в алтарь ставится; да решают старовеги выкрасть и распечатать...

...Маркуша, объясняющий Якову Яковлевичу, что ныне мастерство утеряно, рассуждает о тонкости иконописи с тою мерою прозрения, что потрясает не причастного к предмету...

Многое еще свершится, заклубится волшебным языком, заставит погрузиться в прозрачно наполненный котел былых событий...

Почувствовать ли ныне: изображенная, как надо, небесная слава помогает Писание уразуметь, а о деньгах и всей славе земной думать, как о мерзости перед Господом?

Многого не почувствовать ныне, не понять-познать, не ввести в ум, соблазнами оплетенный...

Знал Лесков, как плетутся они, ведал, как можно ангела распечатать, а миру поведал про контраст между внутренним и внешним: в тяжело писанной, на икону словесную похожей повести своей...

